

Что такое культиваторы? Именно этот вопрос задавал себе Антон. Культиваторы были людьми, которые использовали природную энергию для закалки своего тела и себя. С помощью этой энергии культиваторы могли творить удивительные вещи. Культиваторы были подобны Ордену Девяносто Девяти Звезд, защитниками простых людей. Они также были людьми, как Максимилиан Ван Хассель, бандитами и убийцами. Наставники и рабовладельцы, фермеры и угнетатели. Они были просто... людьми.

Это нисколько не помогало Антону принять решение. Он был достаточно силен, чтобы иметь значение на местном уровне. Достаточно крупные города находились за пределами того, на что он мог повлиять даже при поддержке Катарини и Хойта. Даже если бы они вошли в здание Духа, они втроем могли бы повлиять на жизнь сотен людей, но, скорее всего, не тысяч. Но стоит ли? Защищать людей от опасности было легко и однозначно. Когда на них нападали лесные существа, в голове Антона оставалось мало места для двусмысленности. Даже если они делали глупости, провоцируя зверей, Антон считал жизни людей более ценными, чем зверей. Он мог читать людям нотации после того, как спас их, но оценивал эту ценность почти бессознательно.

Когда же ему приходилось сопоставлять людей с другими людьми, все становилось сложнее. Бандиты, работавшие с Максимилианом Ван Хасселем, были явно виновны. Он без колебаний убивал их при первой же возможности. Но рабовладельцы Железного Кольца, купившие этих рабов в месте, где рабство было законным, а способ приобретения - нет... насколько они были виновны? А люди, которые потом покупали у них рабов?

Антон подумал о том, что дает ему право решать, кого можно убивать, а кого нет. Судить о ценности одного человека над другим. Ответ, к которому он пришел, был - ничто. Точно так же ничто не давало другим права принимать такое решение. Законы принимали люди, и в разных местах принимались разные законы. Иногда законы отражали волю народа, а иногда - волю власть имущих. Когда и те, и другие соглашались, законы были в целом хороши, но следование законам не было по своей сути хорошим. И если законы должны были отражать волю народа, то кто был этим народом? Антон знал, что большинство рабов - те, кто не был разбит на шелуху, - скажут, что рабство несправедливо. Но они не смогут повлиять на законы, потому что у них нет власти.

Поэтому ничто не давало Антону или другим право решать, что правильно, а что нет. Антон по-прежнему верил, что добро и зло существуют. Добрые и злые поступки могут быть неосознанными, и не всегда можно понять, является ли что-то добром, злом или какой-то смесью, но он знал, что вряд ли это будет полностью соответствовать его собственным решениям. Он не был совершенен, как и все, кого он знал, не были совершенны. Да и вряд ли кто-то может быть совершенным. Если боги и существовали, то они молчали - в лучшем случае говорили только со своими последователями, имевшими разную степень надежности.

Если добро и зло существовали, он мог только делать все возможное, чтобы соответствовать им. Если же их не существовало, то он мог делать все, что хотел. Однако, безусловно, существовала грань между тем, чтобы делать то, что он хотел, и тем, чтобы изо всех сил стараться соответствовать тому, что он понимал как добро. Потому что, хотя Антон хотел убить каждого бандита, пришедшего в Дунганнон, и считал свои мысли по этому поводу полностью оправданными, он также хотел заставить их страдать не меньше, чем жителей деревни Дунганнон. Возможно, это даже было оправдано, но одного желания было недостаточно. Если

он позволил себе подойти так близко к черте, что не был уверен, на чьей он стороне, он мог легко обнаружить, что сделал несколько шагов за нее. Каждый мог оправдать для себя то, что он зашел чуть дальше.

Так что, если он, по крайней мере, так же оправданно, как и любой другой, оценивал ценность человеческих жизней, как он мог это делать? Рабство в том виде, в каком оно существовало в Офрурге, было полностью несправедливым, поскольку отнимало чью-то жизнь так же полно, как и убивало, не имея никакого реального оправдания. Из тех, кто попал в рабство из-за преступления или долга, Антон был уверен, что не все были поработаны справедливо, если такое вообще возможно. Поэтому он мог бы оправдать убийство всех, кто покупал, продавал и владел рабами, но даже если бы у него хватило личной власти, чтобы начать это делать, это имело бы последствия. Если только он не был всемогущ - что не относится даже к тем, кто находится на пике культивации, - это повлечет за собой ответные действия. Антон даже не смог бы обвинить людей в том, что они защищались, какими бы злыми ни были их действия до этого. Никто не хотел умирать.

Но если спасенных рабов он ценил выше, чем рабовладельцев, то как быть с теми, кто погибнет в результате его действий? Если бы он начал войну, культиваторы из Офрурга и Граотана непременно погибли бы. Стоили ли культиваторы больше, чем простолюдины? Антон сначала подумал и "нет", и "да". Кто-то может заявить, что все человеческие жизни оцениваются одинаково, но Антон знал, что это не так. Семья была важнее других. Те, кого он знал, были важнее. Те, кто, по его мнению, делал что-то ценное или имел потенциал для этого, имели большую ценность в его сознании. Он не мог этого изменить, но, по крайней мере, мог подумать об этом, когда у него было время обдумать свои действия.

Разобравшись с этими мыслями, Антон принял решение. Он сопоставил возможные последствия действий с последствиями бездействия. Как сильно он готов был рисковать? Мог ли он оставить людей в рабстве умирать в шахтах, чтобы защитить себя и избежать конфликта? Мог, но не стал бы. Если бы у него была личная власть, он бы пробил себе дорогу в Кхонард, чтобы спасти Девон. Ему следовало прикинуться политической силой - в том смысле, что он не был уверен, что Орден поддержит его угрозы, а не в том, что он считал их неспособными. Но хотя он знал, что они хотели избежать конфликта, они не были полностью бездействующими. Другие не обязательно будут знать всю правду. Антон предпочел бы, чтобы Орден действительно был готов вступить в конфликт ради него самого, но он был совершенно уверен, что их реакция была бы ограниченной. Но он мог с уверенностью сказать это, несмотря ни на что. Если бы из-за этого его потом выгнали из Ордена, он мог бы справиться с этим последствием. С другой стороны, Антон не был уверен, что это будет чем-то, что они будут презирать. Если бы он убивал во имя Ордена, они бы этого не потерпели. Если же он просто запугивал неразумных людей, то какое им до этого дело?

Он просто сомневался. Он знал, что Орден хороший, потому что люди, которые его создавали, были хорошими. Винсент пытался выследить бандитов и потерпел неудачу. Орден пытался, но недостаточно. Честно говоря, он мог это понять. Орден был старым и усталым. Он видел это во многих людях, а иногда, когда никто не смотрел, даже сам вел себя старо и устало.

К тому времени, как Антон закончил сортировать свои мысли, он уже опаздывал на встречу в шахте. Но он и не собирался появляться. Культиваторы, как известно, непостоянны, и ему не

хотелось разговаривать с людьми, которых он собирался просто убить. Ему нужно было убедиться, что другие не сочтут его сумасшедшим, потому что будет очень трудно оправдаться, сказав, что он решил, что убивать работоторговцев - это нормально, если никто с этим не согласится. Он также мог использовать других, чтобы держать себя в руках. Даже если никто не знал, где она находится, все, по крайней мере, имели представление об эфемерной вещи. Но после того, как он поговорил с ними, и прежде чем начать стрелять в людей стрелами, ему нужно было еще кое-что сделать.

Оскар и остальные были не единственными рабами из Дунганнона, проданными в этот район. Антону посчастливилось получить информацию от Ушей Лиса, которая привела его к другому. Даже если бы никто не остался в живых, чтобы осудить его действия, Антону было бы неприятно оставаться в этом районе, что бы ни случилось. Таким образом, сначала он должен был найти остальных. Оскару пришлось бы подождать, но он не возражал. Особенно когда Антон показал ему свою жену.

Согласно информации, она была продана в качестве служанки какому-то мелкому дворянину в этом районе. Дворянство было сложной вещью, особенно потому, что оно, как правило, превосходило культиваторов, но по сути это была богатая семья, которая была таковой на протяжении многих поколений. Помимо богатства, они обладали некоторой политической властью, но, поскольку они не производили сильных культиваторов, их влияние было ограничено. Это было лучше для Антона, потому что пробраться в дом было намного проще.

"Я заметила образования вокруг того места, которое, скорее всего, является спальней", - сказала Катарина. Она говорила тихо, с небольшой энергией, направляющей ее слова. У них не было доступа к официальной технике для частных разговоров, но они экспериментировали со своей собственной. По крайней мере, их версия была бы тихой, если бы не была защищена от подслушивания культиваторами. "Гораздо сложнее, чем то, что я обошел на внешних стенах".

Благодаря тому, что у них уже давно было богатство, они смогли нанять экспертов по формированию и создать долговременные формации. Они могли организовать от простой сигнализации до оборонительных щитов и даже ловушек, предназначенных для убийства нарушителей. "Ты чувствуешь еще кого-нибудь?"

Катарина покачала головой: "Я не представляю, чтобы кто-то тратил столько денег на защиту своих слуг - а формации на стене, скорее всего, предупредили бы их и о бегстве рабов".

"Тогда будем надеяться, что Патрицию будет легко найти и вернуть", - Антон осторожно открыл свои органы чувств, чтобы почувствовать, где находятся люди, ограничивая при этом, насколько его могут почувствовать немногочисленные охранники-культиваторы. Помимо формаций, местность была менее хорошо защищена, чем шахты, но он не хотел провоцировать неприятности, если в этом не было необходимости. Он хотел, чтобы все выбрались из Офрурга живыми.

<http://tl.rulate.ru/book/72353/2059789>